

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14663

EDN: MRIIGP

Поэтика сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чижиково горе»

М. А. Алякринская

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Северо-Западный институт управления
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

e-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru

Аннотация. В статье рассмотрена сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чижиково горе». Интерпретируя это произведение, исследователи не учитывали значимые обстоятельства: во-первых, любовно-семейную проблематику сказки, не характерную для творчества Салтыкова-Щедрина (более того, неоднократно критикуемую им самим как «устаревшую»), и, во-вторых, публикацию сказки в рождественском номере «Русских ведомостей», дающую основание рассматривать ее текст в традициях «рождественского рассказа». Любовно-семейная тема и особенности поэтики «Чижикова горя» позволяют предположить, что сказка обладает элементами интертекстуальности: отсылает читателя, с одной стороны, к традиции популярного в 1870–1880-е гг. натуралистического романа, а с другой — к рождественским текстам Ч. Диккенса. М. Е. Салтыков скептически относился к писателям-натуралистам: критикуя их творчество, он противопоставлял им Ч. Диккенса и Н. В. Гоголя. Это противопоставление нашло отражение в структуре «Чижикова горя», где первая часть содержит элементы пародии на поэтику натуралистического романа (в варианте Э. Золя), а вторая заставляет вспомнить сюжетную модель «Рождественской песни» Ч. Диккенса (трансформация «героя-мизантропа», проходящего путь, основные вехи которого «вина — исправление — искупление»). Анализ поэтики «Чижикова горя» позволяет понять авторский концепт сказки: критически сопоставляя «приземленность» писателей-натуралистов и «идеализм» Ч. Диккенса и Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыков-Щедрин подчеркивает важность идеальной составляющей в частной жизни человека. Проблема любви и брака решается в «Чижиковом горе» в ключе рождественской (пасхальной) традиции: возвышенная любовь воскрешает мертвую душу героя, а в открытом финале сказки единственно счастливым вариантом разрешения конфликта является обретение героями христианских ценностей — прощения и любви. За литературным контекстом, иронией и сатирой в сказке спрятан столь характерный для национального сознания нравственный абсолютизм, и этот абсолютизм был личностной позицией М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, сказка, французский натурализм, Э. Золя, рождественский рассказ, пасхальный рассказ, Н. В. Гоголь, Ч. Диккенс, Рождественская песнь в прозе

Для цитирования: Алякринская М. А. Поэтика сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чижиково горе» // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 165–187. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14663. EDN: MRIIGP

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14663

EDN: MRIIGP

Poetics of “Chizhikov’s Grief”, a Fairy Tale by M. E. Saltykov-Shchedrin

Marina A. Alyakrinskaya

Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

Northwestern Institute of Management

(St. Petersburg, Russian Federation)

e-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru

Abstract. The article examines the fairy tale by M. E. Saltykov-Shchedrin “Chizhikov’s Grief.” Up until now, researchers have not taken into account certain significant circumstances when interpreting “Chizhikov’s Grief.” First of all, it is the unusual love and family theme of the tale, which is not characteristic of Saltykov-Shchedrin’s work (moreover, it was repeatedly criticized by him as ‘outdated’); and, secondly, the publication of the tale in the Christmas issue of “*Russkie Vedomosti*,” which provides reason to consider its text within the “Christmas story” tradition. The theme of love and family and the peculiarities of the poetics of “Chizhikov’s Grief” suggest that the fairy tale contains elements of intertextuality: it “refers” the reader, on the one hand, to the tradition of the naturalistic novel popular in the 1870s — 1880s, and on the other hand — to the Christmas stories by Ch. Dickens. M. E. Saltykov was critical of naturalist writers, opposing them to Ch. Dickens and N. V. Gogol. This contradiction is reflected in the structure of “Chizhikov’s Grief,” where the first part of the tale contains elements of parody of the naturalistic novel’s poetics (i.e., in E. Zola’s work), and the second part resembles the plot model of Dickens’s “Christmas Carol” (the transformation of the “misanthropic hero” who travels the path with “guilt-correction-redemption” as the key milestones). Analyzing the poetics of “Chizhikov’s Grief” allows to understand the author’s concept of the fairy tale: critically comparing the “earthiness” of the naturalist writers and the “idealism” of Ch. Dickens and N. V. Gogol, M. E. Saltykov-Shchedrin emphasizes the importance of the ideal component of private life. The problem of love and marriage is resolved in “Chizhikov’s Grief” in the style of the Christmas (Easter) tradition: sublime love revives the dead soul of the hero, while in the tale’s open ending the only positive variant of conflict resolution is the heroes’ acquisition of Christian values: forgiveness and love. Thus, behind the numerous literary contexts, irony and satire, the tale conceals a moral absolute that’s distinctive to the national consciousness; and this absolute was the personal position of M. E. Saltykov-Shchedrin.

Keywords: Mikhail Saltykov-Shchedrin, fairy tale, French naturalism, Emile Zola, Christmas Story, Easter Story, Nikolai Gogol, Charles Dickens, A Christmas Carol

For citation: Alyakrinskaya M. A. Poetics of “Chizhikov’s Grief”, a Fairy Tale by M. E. Saltykov-Shchedrin. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 165–187. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14663. EDN: MRIIGP (In Russ.)

Сказку М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чижиково горе», написанную в декабре 1884 г., традиционно рассматривают как сатиру на «буржуазно-дворянскую семью» [Бушмин, Баскаков: 232] — канарейка Прозерпиночка, как принято считать, завершает «в творчестве Салтыкова галерею образов легкомысленных и бездушных "куколок"» [Баскаков: 463]. По мнению С. А. Макашина, сказка непосредственно связана с биографией М. Е. Салтыкова: когда писатель создавал ее, он «думал о "горе" своей семейной жизни» [Макашин: 407].

Поскольку «Чижиково горе» появилось после длительного молчания М. Е. Салтыкова-Щедрина, связанного с закрытием «Отечественных записок», сказка трактовалась как некая «ломка в пределах жанра» [Бушмин, Баскаков: 231], то есть отход от принципов социальной сатиры под давлением цензуры. Сам писатель, раздосадованный доходящими до него негативными отзывами о «Чижиковом горе», поспешил признать сказку неудачной:

«А Феоктистов по поводу "Чижикова горя" говорит, что скучнее и инсипиднее ничего он не знает, даже дочитать не мог. Выходит, что ежели я цензурно пишу, то никуда не гожусь; ежели нецензурно, то меня имеют в виду... Но я чувствую, что два-три "Чижиковых горя" — и репутация моих сказок будет значительно подорвана. Феоктистов, может быть, правду сказал, что партикулярные дела совсем для меня не подходят» [Салтыков-Щедрин; т. 20: 122].

Однако отсутствие острого социального критицизма — не основание считать произведение художественно слабым, и сегодня существует необходимость непредвзятого, аутентичного прочтения «Чижикова горя», тем более что при интерпретации сказки исследователи до сих пор не учитывали ряда обстоятельств.

Во-первых, сказка была опубликована 25 декабря 1884 г., в самый праздник Рождества. Оговаривая возможную публикацию, М. Е. Салтыков писал редактору «Русских ведомостей» В. М. Соболевскому:

«Но, разумеется, ежели Вы <...> выпустите особый Рождественский №, то можно и всю сказку целиком напечатать» [Салтыков-Щедрин; т. 20: 113].

И хотя сюжетное время в «Чижиковом горе» не отнесено непосредственно к Рождеству или Святкам¹, сама дата выхода в свет позволяет причислить сказку к так называемым рождественским историям — текстам, обладающим набором характерных мотивов, среди которых выделяется мотив чуда как «явления необыкновенного, неординарного, резко нарушающего привычное, будничное течение жизни и меняющего жизнь человека в лучшую сторону» [Душечкина: 148].

Во-вторых, «Чижиково горе», написанное на «партикулярную» тему, стало, как представляется, своеобразным экспериментом, о котором сатирик писал Н. К. Михайловскому незадолго до появления сказки:

«Скучно мне до зарезу, и совсем не пишется. Надо новую жилу найти, а не то совсем бросить» [Салтыков-Щедрин; т. 20: 103].

Очевидно, что в качестве авторской «новой жилы» в сказке выступил любовно-семейный сюжет, который писатель, с его теорией общественного романа, ранее неоднократно высмеивал как устаревший². Логично предположить, что, обращаясь к табуированной прежде тематике любовного романа, М. Е. Салтыков в «Чижиковом горе» воспроизвел его схемы не «всерьез», а отстраненно, используя отчужденное от собственного стиля «чужое слово».

¹ Как отметила Н. Н. Старыгина, приуроченность действия к Рождеству или Святкам — не обязательное условие жанровой атрибуции святочного рассказа во второй половине XIX в., неизменным жанровым фактором остается лишь «нравственно-христианская направленность» текста [Старыгина: 123–124].

² Особенно в «Благонамеренной повести» [Салтыков-Щедрин; т. 11: 506–518]. См. также оценку сатириком романа «Анна Каренина» [Салтыков-Щедрин; т. 18, кн. 2: 180].

Оба указанных обстоятельства дают основание рассматривать «Чижиково горе» как сказку с элементами интертекстуальности: сохраняющую, с одной стороны, память о законах рождественского жанра (и художественном мире его «автора» в европейской литературе — Ч. Диккенса), а с другой — включающую в себя (путем пародирования) культурный контекст французского «реалистического» (натуралистического) романа 1870–1880-х гг. Думается, что «литературностью» «Чижикова горя» объясняются сложности интерпретации этого произведения. Задача настоящей статьи — реконструировать авторский концепт сказки, а также попытаться решить вопрос о степени ее автобиографизма.

С самого начала необходимо отметить одну особенность «Чижикова горя»: сказка распадается на «два фельетона», на что указал сам писатель в письме В. М. Соболевскому³. Значимо и то, что части сказки друг другу противоречат, и ввиду этого в настоящей статье, как правило, оговаривается, о каком разделе текста — первом или втором — идет речь.

***

Как уже отмечалось, при рассмотрении «Чижикова горя» исследователи апеллировали прежде всего к образу героини, постулируя тезис, что «в центре сказки — канарейка» [Баскаков: 463]. С этим нельзя согласиться. Поскольку сюжетная линия связана с идеей брака, в центре повествования находятся два персонажа: он и она, чижик и канарейка. При этом сюжет относительно небольшой сказки можно, при желании, представить как романский: здесь есть рассказ о жизни героев до встречи и их взаимоотношениях до брака, о мучительных для чижика шести месяцах супружества, во многом «за кадром» остается повествование (оно дано лишь намеками) о страсти героини (канарейки) к не названному в тексте, но подразумеваемому «третьему» («улану»), о ее разрыве с мужем, о его метаниях и страданиях — наконец, о ее возвращении в семью после полугодового отсутствия и дальнейшей совместной жизни. Перечисленные сюжетные мотивы (брак по расчету,

³ «Ежели для одного фельетона будет велика, то можно и на два разделить; в таком случае первый фельетон можно кончить на третьем полулисте (1-я стр. в конце, абзац: "И вот он женился", — с этого начать второй фельетон)» [Салтыков-Щедрин; т. 20: 113].

адюльтер, возвращение к нелюбимому мужу) напоминают романы второй половины XIX в. — от «Мадам Бовари» Г. Флобера до «Анны Карениной» Л. Н. Толстого — и, думается, это не случайно. Сказка, как уже упоминалось, не могла не быть некой «отсылкой» к любовному тексту времени, а текстом этим был в первую очередь французский натуралистический роман, обсуждавшийся в 1870–1880-е гг. на страницах российских журналов.

Характерными чертами натуралистического романа (в варианте Э. Золя), как отмечают исследователи, был «физиологический подход к обрисовке поведения персонажей», «научность как отказ от авторских оценок» [Клеман: 47, 61], «статичность» и «дескриптивность», «отстраненность автора, слабый сюжет» [Вихорева: 43]. Сам Золя разъяснял, что в новом направлении «создание произведения сводится всего лишь к отбору сцен, к определенному их сочетанию и соответствующему развитию действия» [Золя: 438]. М. Е. Салтыков-Щедрин, включивший в цикл «За рубежом» пародию на натуралистический роман, указывал на сосредоточенность этой разновидности жанра на «подробностях», «не имеющих ничего общего ни с предметом повествования, ни с его обстановкой <...> ни для чего не нужных, ничего не характеризующих и даже не любопытных самих по себе» [Салтыков-Щедрин; т. 14: 155].

Элементы поэтики натуралистического романа: дескриптивность, статичность и «подробности» — можно обнаружить в «Чижиковом горе». Дескриптивность здесь преобладает над нарративом⁴: текст начинается с *описания свадьбы* как ключевого события, затем даны *развернутые «интимные истории»* молодых, далее следует рассказ о героях *в период помолвки*: потерявшем голову чижике и невесте, которая делалась «все развязнее и развязнее» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 122]; фиксация *событий брачной ночи* (в которую чижик оказывается несостоятельным супругом из-за провокации «братцев» невесты и их приятелей), за этим следует часть, обозначенная как *«майорский мартиролог»*, с описанием легкомысленного поведения супруги-канарейки, завершающаяся ее исчезновением из дома; далее — рассказ о *страданиях чижика* и — наконец — поражающий лаконизмом событийный финал:

⁴ Неслучайно Е. М. Феоктистову, начальнику Управления по делам печати, сказка показалась «скучной».

«И вдруг, в один теплый майский вечер, она (здесь и далее в цитате курсив М. Е. Салтыкова-Щедрина. — М. А.) воротилась. Воротилась худая, больная, истрепанная и как будто *не в себе*. <...> Насилу чижик ее узнал.

— Вот и я пришла! — сказала она.

— Живи! — ответил ей чижик.

Только и разговору промеж них было» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 130].

Описания гасят фабульность сказки, порождая иллюзию «романа без действия», который и выдвигал Золя в качестве образца нового искусства: «События романа разворачиваются день за днем, и писатель повествует о них спокойно, не прибегая ни к каким неожиданностям, <...> и когда вы заканчиваете роман, то вам кажется, что вы просто возвращаетесь после прогулки по улице к себе домой» [Золя: 438–439]. «Затормаживанию» действия способствует обилие «подробностей». «Чижиково горе» «перегружено» персонажами, большинство из которых только упоминаются: *ученый снегирь, зяблик, соловей, ястреб, глухой тетерев, ворона-вещунья, кукушка, синичка, горихвостка, пеночка, трясогузка, павлин-губернатор, дрозд-ростовщик, чечеточка-девушка для прислуг, хищная сова, вдова-перепелочка, «кровожадный бурундук», «аблакат Бала-лайкин», гимназисты, уланы-юнкера, «родители», «дочки», кузина мамыши-канарейки и ее дочка Милочка с мужем, интендантские писаря* — и это не считая лиц, которых с большим или меньшим успехом можно отнести к участникам действия.

Нарочито подробно, «научно» описана в сказке «среда»: портрет канарейки дополняется характеристикой всего ее семейства: «папаши», «мамаши», сестры «Галочки» и двух братьев — старшего (юнкера уланского полка) и младшего (гимназиста), причем о последних сообщаются малозначащие детали — о нежелании гимназиста изучать греческий язык или о том, что юнкер «никак не мог сдать экзамен из Закона Божия» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 120] и т. д. Обращает внимание и физиологическая окраска в обрисовке персонажей. Чижик любит рассуждать на низменные, «плотские» темы: о том, что он «природную слабость в свое время в совершенстве выполнил-с»; что «излишеств допускать не следует, но в препорцию

отчего же себе удовольствие не предоставить!»; а «удовольствие» «дорогого не стоит: спою песню — вот и прав-с!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 118]. Даже желание жениться герой объясняет биологически:

«Что такое бессемейный чиж? <...> медицинский термин, и больше ничего-с!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 118–119].

О героине автор также сообщает натуралистические «подробности»: еще до знакомства с чижиком она «под предлогом уроков пения, к соловью летала, а потом будто бы жировое яичко снесла» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 123].

Тем не менее, пародийно воспроизводя художественные приемы «психологов»⁵, Салтыков не отказывался в «Чижиковом горе» от права писателя «вводить за собой читателя всюду» [Салтыков-Щедрин; т. 9: 439] и от самого понятия идеала.

***

Вообще у Салтыкова были сложные отношения с натурализмом: первоначально позитивно относившийся к «французским реалистам», особенно к Золя, сатирик, прочитав роман братьев Гонкур «Манетт Соломон», возненавидел литературу нового направления. Резко отзываясь о «психологах» в письме П. В. Анненкову [Салтыков-Щедрин; т. 18, кн. 2: 233–234], Салтыков противопоставлял им Диккенса; позже, в письме И. Д. Гальперину-Каминскому [Салтыков-Щедрин; т. 20: 390] — Гоголя, и неудивительно, что отсылки к этим авторам мы также встречаем в «Чижиковом горе».

Что касается Гоголя, то о нем напоминает первая часть сказки, написанная в традициях «гоголевской школы». Особенно это касается характеристики главного героя, образ которого соотносим с целым рядом персонажей русской литературы. Вначале о чижике говорится как о малом, имеющем такие «характеристические особенности», как «неприхотливость, аккуратность и домовитость» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 117], что вызывает в памяти образ Молчалина, существующего под «сению» умеренности и аккуратности, на которой «зиждется человеческое

⁵ Термин, который употреблял М. Е. Салтыков, говоря о писателях-натуралистах.

благополучие» [Салтыков-Щедрин; т. 12: 9]. С Молчалиным чижика роднит и такая особенность речи, как употребление постфикса с («словоерса»), сопровождающая речевой портрет героя всю первую половину сказки. Но аккуратности и домовитости не был лишен и Павел Иванович Чичиков, и чижик в целом ряде черт ассоциируется также с этим гоголевским персонажем. Чичикова он напоминает похожестью на «приятное и опрятное общее место» [Белый: 88], родом занятий (в рукописном варианте сказки чижик, как и Чичиков, служил по таможенному ведомству), наличием «копилки» («шкатулки»), состоянии которой герой сказки «от природы имел потребность» знать во всякое время «в точности» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 127] и предпринимательской жилкой — чижик, как и гоголевский герой, склонен «попользоваться» от казенного пирога, он «скопил капиталец» «нелицеприятными действиями» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 117].

В целом биография чижика, рассказанная в первой половине сказки, рисует его типичным чиновником, «майором», сосредоточенным на собственном благополучии и образовавшем «ум и сердце» в интендантском ведомстве. В Крымскую кампанию герой «для лошадей сено со всячинкой заготовлял» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 122], поступая подобно описанным М. Е. Салтыковым-Щедриним подрядчикам, которые в «горькую годину» в жизни страны находили возможным поставлять ополченцам «сапоги с картонными подметками, <...> снабжали солдат кремневыми ружьями, в которых, вместо кремня, была вставлена выкрашенная чурочка, и т. д.», но «сами себя не считали злодеями», ибо действовали «простодушно» [Салтыков-Щедрин; т. 11: 434–435]. Так же «простодушен» и чижик: идеалы его не идут далее утопии «семейного очага», воплощенной в символах самовара, халата и двуспальной кровати; его культурный уровень ограничен интендантскими анекдотами и рассказами игривого содержания:

«Когда я в интендантском ведомстве служил, так одна трясогучочка была-с. Ну, такая, доложу вам, — отдай всё, да и мало! И тоже на первых порах: "Хи-хи" да "ха-ха!" Я ей говорю: "Познакомимтесь, мамзель!", а она: "Ах, нет, вы противный!" <...> Туда-сюда... настиг-с! И что же-с: впоследствии даже хвалила!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 118].

Помимо литературных ассоциаций, с чижигом первой части сказки связан мотив куклы, появляющийся буквально с первых строк:

«Канарейку за чижику замуж выдали и свадьбу на славу справили. В магазине "Забава и дело" купили новенькую кирку...» (курсив мой. — М. А.) [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 116].

Салтыков всегда иносказателен, поэтому вместо православной церкви у него лютеранская кирка, где венчали новобрачных, но если кирка игрушечная, приобретенная в магазине «Забава и дело», то, следовательно, и все, что происходит в сказке за этим, происходит как бы в декорациях театра кукол, а загадочный «покупатель кирки» не кто иной, как сказочник, который в прологе расставляет фигуры, чтобы начать действие.

Напомню, что мотив куклы В. В. Гиппиус характеризовал как мотив «омертвления или механизации» [Гиппиус: 303]. В плане механизации сам образ чижа (птицы) ассоциировался у автора сказки с повторяющейся бесцельной работой: тасканием игрушечного ведерка — этому фокусу обучали понятливых чижей российские умельцы⁶. Еще в 1864 г. Салтыков использовал образ «таскания ведерка» для характеристики деятельности публицистов «Эпохи», которая представлялась сатирику бессмысленной:

«Вы напоминаете тех ученых чижигов, которые из крохотных колодчиков вытаскивают миниатюрненькие ведёрки с водой, вытаскивают и опять погружают, и опять вытаскивают...» [Салтыков-Щедрин; т. 6: 521].

⁶ Об этом пишет И. Т. Кокорев в очерке «Мелкая промышленность в Москве»: «...Глава семейства трет табак, чинит сапожное старье, делает картонные домики для чижигов и обучает понятливую птичку подымать ведерку с водой» (Кокорев И. Т. Очерки и рассказы. Ч. 1–3. М.: Унив. тип., 1858. Ч. 1: [Очерки Москвы]. С. 90). Любопытно, что в цикле «Сказки», везде, где появляется чижиж, есть и таскание ведра: «Особенный это был чижиж, умный: и ведерко таскать умел, и спеть, по нужде, за канарейку мог» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 51]; «Вон чижиж: только и науки у него, что ведерко с водой таскать умеет, а какие деньги за этакого-то платят» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 75]. В «Чижиговом горе» чижиж «охотно выставлял на вид, что солидным своим положением в обществе обязан единственно самому себе. Даже ведерко с водой он выучился таскать самоучкою» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 117].

Кроме того, мотив куклы проявляется подчеркиванием автоматизма жестов героя:

«Ах, как вы уморительно ножкой шаркаете! Шаркните еще, еще... вот так! Ха-ха!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 121]⁷.

В «Чижиковом горе» мотив куклы исследователи традиционно связывали с канарейкой, хотя Салтыков, щедрый на употребление слова «куколка» в отношении героинь своих циклов, Прозерпиночку так не именует: «куклой бесчувственной» называет жену чижик; автором же для обрисовки ее характера использовано слово «канарейка». Прозерпиночка — воспитанница своей матери, которая «как смолоду канарейкой была, так и под старость канарейкой осталась»:

«Прыгала с жердочки на жердочку, высматривала, нет ли где кавалеров, и с благодарностью вспоминала, как она, будучи предводительшею, писанные пряники ела, а павлин-губернатор, завидев ее, хвост распускал» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 119].

Во многих чертах канарейка схожа с представительницами типа «женщин-куколок» у сатирика: она так же, как Ольга Персианова («Господа ташкентцы») или Натали Неугодова («Круглый год»), «выкормлена» в «специально устроенном садке» [Салтыков-Щедрин; т. 10: 82]; так же склонна порхать по жизни, любыми способами вытягивая деньги из ближних, чтобы тратить их на себя и свои удовольствия, и так же отличается полной неспособностью к эмпатии.

Итак, в первой половине сказки, судя по описанию героев, и чижик, и Прозерпиночка — больше куклы, чем «люди», и, как куклы, несмотря на кажущиеся различия, имеют немало общих черт. Главнейшая из них — отсутствие «чувств» и, соответственно, идеализма, восприятие мира исключительно в его прагматике. Брак для героев — не что иное, как деловая сделка; в этом смысле показателен их первый разговор до свадьбы, когда «родители с намерением оставили их вдвоем» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 121]:

⁷ В абзаце, который сатирик вычеркнул из окончательного варианта, чижик, как автомат, топал ногой при исполнении песни «Жил-был у бабушки серенький козлик»: «А нуте, еще раз, топните, майор, ножкой еще! вот так! жить так!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 463].

«— Вы скупой? — спросила его Прозерпиночка.

— Я не скуп, а бережлив-с, — ответил чижик. — Я так полагаю: зачем деньги зря бросать, коли можно своими средствами обойтись? Но для вас, чтобы вам удовольствие сделать, я и бережливость свою готов оставить-с. <...>

— <...> Что же вы дома едите? гадость какую-нибудь?

— Сам я ем пищу, Богом предназначенную. Простую, но здоровую. А для вас я канареечное семя предоставлю-с.

— Ах, нет, я салат больше люблю!

— И салатцу достать не диковинка-с. Слетаю утречком в огород и нащиплю по секрету-с. Другому бы это больших денег стоило, а я для вас и задаром спворю!

— Ну, а какой же вы мне подарок сделаете? Недавно вот из Парижа новые фасоны манжеток прислали... подарите-ка! а?

— С превеликим моим удовольствием-с. Сегодня же пауку закажу, чтобы завтра чуть свет были готовы.

— Да, но ведь такие манжетки дороги...

— Не извольте беспокоиться-с! Придет ко мне ужо паук за деньгами, а я его съем-с. Вот мы и будем квиты.

— Ха-ха! какой вы уморительный!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 121–122].

***

Казалось бы, характеры чижика и канарейки, обрисованные так определенно, должны, как и положено по законам реализма, быть психологически выдержанными, но проблема в том, что оба героя в первой части сказки совсем не похожи на самих себя во второй, с ними (особенно с чижиком) происходят существенные метаморфозы. Чижик, способный первоначально лишь анекдоты да пошлые истории рассказывать, после свадьбы вдруг начинает изъясняться высоким стилем и даже цитировать П. Корнеля. Меняется и авторская интонация, благодаря которой из сатирического модуса герой перемещается чуть ли не в элегический и, наряду со скупым, недалеким, вороватым и пошло-циническим «чижиком первым», в сказке парадоксальным образом возникает тонко чувствующий лирико-романтический «чижик второй»⁸:

⁸ Совершающееся после венчания преобразование героя столь стремительно, что походит на волшебство: показателен в этом смысле его монолог после брачной ночи, в котором попытка самооправдания представлена в разных культурных дискурсах. Первоначальная речь соответствует

Чижик до свадьбы («чижик первый»)	Чижик после свадьбы («чижик второй»)
<p>«В наружности его <...> не замечалось ничего обольстительного или блестящего; напротив, вся его фигура поражала несомненно будничностью и заурядностью (здесь и далее в цитате курсив мой. — М. А.) Даже воробы смеялись, как он, желая сказать девице комплимент, потряхивал фалдочками и пушал глаза враскос. Да и комплименты выходили у него неинтересные: либо интендантский анекдот расскажет, либо похващается, что, как бы дешево ни просил с него извозчик, он ему всегда пятакком меньше дает, а ежели время терпит, то и пешком дойдет. — И вот, благодарение Богу, — обыкновенно заканчивал он, — не только себя могу прокормить, но и семью-с.</p> <p>Родителям такие речи очень нравились, и они так усердно ловили его в свои силки, что однажды чуть было совсем не удавили. Но дочки-девицы называли его "<i>интендантскою холерою</i>" и при появлении его мгновенно разлетались, хотя маменьки и приказывали им: "Рестё!"» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 117–118]</p>	<p>«Хорошо ему было! дивно! Теплая ночь благоухала; звезды в темной синеве неба, как алмазы, играли; а он, чижик, весь горел! Восторг катился по жилам его, дивный, опьяняющий восторг! Не то петь ему хотелось, не то рыдать, но в то же время какая-то чуткая деликатность заставляла его сдерживать свои порывы» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 123].</p> <p>«Между тем наступила осень; птицы усиленно захлопотали около гнезд; он один ничего не предпринимал, не решаясь, лететь ли на теплые воды, или остаться на родине. Полились дожди, задули холодные ветры; роща обнажилась и тоскливо шумела; ночи сделались долгие, темные. А он целые ночи напролет, голодный и холодный, просиживал, не смыкаячи очей, у входа своего неухиченного дупла и ждал» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 128]</p>

уровню и типу мышления «чижика первого» («Кабы я был этому делу причинен, — говорил он себе, — ну, тогда точно! Хоть голову с меня снимите, ежели я виноват, — слова не скажу! А то никакой с моей стороны причины нет — и на-тко что сделалось!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 124]). Но затем происходит «переключение регистра», и перед читателем неожиданно предстает «чижик второй», изъясняющийся в принципиально иной культурной системе: «Есть факты, относительно которых закон причинности не допускается. Они должны быть осуществлены — неупустительно, и никакая логомахия не воссоздаст того, что должно было быть и чего не было. Нет для него оправданий! Нет! <...> Он должен был отразить нападение пьяной ватаги; он должен был сделать свое гнездо неприступным, должен был грудью защищать свое право на осуществление "долга", вступить, во имя долга, в кровавый бой... Qu'il mourût!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 124].

Аналогичные изменения (хотя и не столь радикальные) происходят с канарейкой. Несмотря на то, что героиню сказки многое роднит с типом «женщин-куколок», между нею и ими есть существенная разница. Мир кукол у Салтыков-Щедрин — это мертвое царство, где «все в какой-то отупелой безнадежности застыло и онемело» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 95], поэтому все героини-«куколки» статичны, они «куколки» «на сколько угодно лет» [Салтыков-Щедрин; т. 13: 484]. Прозерпиночка же, пережив адюльтер, приведший к потере статуса и денег, меняется: чижик с трудом узнает красавицу-канарейку в дрожащей «не то от холода, не то от стыда» супруге [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 130].

Трансформацию, происходящую с героями, можно объяснить двояко: законами рождественской сказки, первооткрывателем которой в европейских литературах во многом стал Ч. Диккенс, и полемикой сатирика с «психологами» (натуралистами), противопоставлявшими себя писателям-«идеалистам» (хотя оба эти фактора, по сути, взаимосвязаны). Диккенс в «рождественских повестях» был великим идеалистом, рассказывая о чуде нравственного подвига и нравственного перерождения человека. И во второй части «Чижикова горя» совершается аналогичное диккенсовскому⁹ чудо перерождения (а точнее, рождения): чижик и канарейка, эти куклы, эти «мертвые души», чудесным образом оживают. Чижик оживляется любовью (причем, ввиду отсутствия супружеских отношений, любовью чисто платонической), а канарейка — стыдом. Что-то вроде стыда испытывает и чижик, впервые после бегства жены вспоминающий о многочисленных холостяцких интригах:

«...Например, трясогузочка-с. <...> Жениться бы ему на ней, а он, вместо того, с шестерыми ребятами ее бросил! Или опять: заехал он раз к перепелочке-вдове, которая постоялый двор при дороге держала и просом да гречневой крупой поторговывала. <...> И тут бы ему жениться следовало, а он пообещал — и был таков!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 128].

⁹ Чудо перерождения можно считать и «гоголевским», неслучайно в русской критике «рождественские повести» Ч. Диккенса сопоставлялись с «Мертвыми душами» Н. В. Гоголя [Катарский: 143].

И если «чижик первый» гордился подобными победами, то «чижик второй» отвергает саму мысль о них:

«Не о трясогузках и перепелках он должен думать — нет, не о них! Отныне ему предстоит одно: изнывать от боли и ждать. Ждать свою бесценную желтенькую барышню, свою Богом данную жену!» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 129].

Повторяющийся в сказке мотив «Богом данной жены» свидетельствует о том, что авторская концепция связана не только с любовью, но и с идеей христианского брака — таинства, символически уподобляемого союзу Христа и Церкви и имеющего целью в том числе духовное возвышение супругов. И хотя отношения «молодых» описаны в сказке с большой долей иронии¹⁰, нельзя отрицать, что герой на протяжении развертывания сюжета все больше проявляет способность к христианской любви, которая «долготерпит» и «все переносит»: он и смешон, и трагичен, уговаривая «открыться» ему как «отцу» или «брату» исчезающую по ночам супругу.

Исследователи творчества Диккенса указывают на связь «Рождественской песни в прозе» с библейскими темами, сюжетами и образами [Михновец], полагая, что христианская тема в повести дает основание рассматривать ее как аллегорию христианской концепции искупления. М. Бондаренко одной из основных моделей диккенсовского рождественского сюжета видит модель трансформации «героя-мизантропа», основные вехи пути которого «вина — исправление — искупление» [Бондаренко: 14]. Тема «искупления» звучит и в «Чижиковом горе». Неслучайно в сказке появляется определение «майорский мартиролог» — в результате нравственных страданий герой лишается внешних статусных атрибутов, символически «обнажается»: от «аккуратно застегнутого, чистенького и сытенького чижика не осталось и следа; даже шпоры — и те неизвестно куда девались» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 130].

Светлого диккенсовского оптимизма у Салтыкова нет, вслед за «оживлением» и «искуплением» «воскрешения» героев не происходит. Сказка завершается открытым финалом: чижик

¹⁰ Эти отношения напоминают отношения Фанни Доррит и Спарклера в романе Ч. Диккенса «Крошка Доррит». М. Е. Салтыков хорошо помнил этих героев Диккенса, он даже пародировал манеру речи Спарклера (см.: Рейфман: 643)].

и канарейка либо «ждут чуда, которое растворит их сердца и наполнит их ликованиями прощения и любви» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 130], либо «сознают себя окончательно раздавленными и угрюмо ропщут», обвиняя друг друга в жизненном крахе [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 130]. Советское литературоведение полагало, что второй вариант, как более реалистичный, является единственно верным, и, соответственно, трактовало «Чижигово горе» как «очень грустную сказку» [Макашин: 407]. Однако амбивалентность концовки предполагает «самостоятельный выбор рецептивной позиции» [Агратин]. Кроме того, возможность «прощения и любви» изначально заложена в произведении законами рождественского жанра. Более того, рождественская повесть-сказка Диккенса, как известно, на русской почве трансформировалась в пасхальный рассказ, призванный «напомнить читателю евангельские истины» и связанный с «праздниками всего Пасхального цикла от Великого поста до Троицы и Духова дня» [Захаров: 256]. Знаменательно, что сюжетное действие в «Чижиговом горе», длящееся около года, завершается в «теплом мае», весна же в древнерусской богословской традиции (в «Слове преп. Кирилла Туровского на вторую неделю по Пасхе») аллегорически соотносится «с верой Христовой, крещением возрождающей человеческую природу» (цит. по: [Завельская: 134]). И весенний — пасхальный — контекст также указывает на «ликования прощения и любви» как возможный (пусть даже в идеале) духовный путь героев.

Исследователи творчества Диккенса (см., напр.: [Корзина]) обращают внимание на жанровые особенности «Рождественской песни в прозе», представляющей собой святочный гимн (Christmas Carol) и повесть одновременно. У Салтыкова в «Чижиговом горе» тоже как бы совмещены два жанра: роман и сказка. И если «прозаическая» концовка коррелирует с романом в его натуралистическом приземленном варианте, то вторая — оптимистичная — соответствует сказочному началу, являясь, как и у Диккенса, авторским символом веры, вносящим в финал «Чижигова горя» ощутимую долю оптимизма.

***

Последний вопрос: имеет ли сказка автобиографическое звучание? Представляется, что ввиду ее «литературности» неправомерно проводить прямые параллели между героями и реальными людьми (например, между канарейкой и Елизаветой Аполлоновной¹¹), однако более сложные соответствия между сказкой и биографией писателя, возможно, существуют. Сказка уникальна тем, что являет собой редкий в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина текст, где он высказался на тему любви (ибо был, как сказано в «Круглом годе» устами автобиографического героя, «тоже не чужд соловьев и роз» [Салтыков-Щедрин; т. 13: 468]) и сделал это характерным для своей поэтики способом: через аллегорию.

Здесь надо обратить внимание на необычное — знаково-символическое — имя героини: Прозерпина (Персефона). Это имя, согласно «Реальному словарю классических древностей», издаваемому в одно время с появлением сказки, принадлежит «грозной повелительнице теней», владычествующей над душами умерших [Любкер: 1011]; в мистериях Деметры Прозерпина (Персефона) являлась «символом бессмертия души» — хлебного зерна, которое, «будучи опущено в мрак земли, вырастает для новой жизни» [Любкер: 1012]. Мифологический образ прозрачно поясняет аллегорию сказки: Прозерпиночка получает власть над «мертвой» душой героя, но, утаскивая эту душу в загробный мир (символический «ад»), она одновременно способствует прорастанию в ней ростков новой жизни.

Символика «Чижикова горя» отчасти приоткрывает тайну противоречивого, по мнению ряда биографов, отношения

---

¹¹ Такие параллели прослеживаются у С. А. Макашина: «В образе легкомысленной и бездушной "красавицы канарейки" присутствуют черты все тех же "куколок" салтыковской сатиры, присущие характеру и поведению Елизаветы Аполлоновны. Схожи с семейной биографией писателя и некоторые сюжетные элементы сказки. Такова, например, история сближения и свадьбы канарейки и чижа: "Страсть к красавице канарейке до такой степени овладела всеми его помыслами, что он, вопреки своей обычной осмотрительности, пренебрег даже справиться, что за птица была его невеста и есть ли за нею какое-нибудь приданое" <...> (о том, что его невеста — бесприданница, Салтыков узнал уже после того, как сделал предложение и оно было принято)» [Макашин: 407].

М. Е. Салтыкова к жене¹². Надо заметить, что советские исследователи (да и современники писателя) исходили из стереотипа жены как «соратницы». Так, С. А. Макашин с неудовольствием писал, что Елизавета Аполлоновна была лишена «каких-либо идейных устремлений», принадлежала к типу «безыдейной, сексуальной и всецело погруженной в "мелочи жизни" женственности» [Макашин: 406]. Действительно, известно, что некоторые качества супруги раздражали Михаила Евграфовича, но он (лучше многих своих поклонников) понимал, что любят все-таки не за «идейные устремления». Представляется, в «Чижиковом горе» есть единственное место, соотносимое с биографией автора: М. Е. Салтыков, несомненно, имел в виду не чижика первой части сказки (душевно черствого и недалекого), а себя, заметив, что накануне свадьбы «он очень многое и очень тонко понимал. Но в то же время он ясно видел, что попался и что судьба его решена бесповоротно и навсегда. Почему навсегда? — он не мог себе дать в этом отчета, а только одно твердил: "Бесповоротно! навсегда!"» [Салтыков-Щедрин; т. 16, кн. 1: 123].

***

Таким образом, «Чижиково горе» — сложная сказка, в которой за многочисленными литературными контекстами высказаны взгляды М. Е. Салтыкова-Щедрина на проблему любви и брака. Рассматривая тему семьи, сатирик пародийно сопоставляет художественные концепции и взгляды натуралистов и «идеалистов», откровенно становясь на точку зрения последних. Л. Полонский писал, что Диккенс в «Рождественской песне» поставил лицом к лицу мир «грез, упований, веры в доброе, потребности в идеале» с «типом жесточайшего эгоизма, холодного расчета, <...> полного отрицания всякого идеала и всякой нужды в идеале вообще» [Полонский: 371]. В принципе, то же самое сделал и Салтыков-Щедрин в своей рождественской сказке, где, как и у Диккенса, жизненный прагматизм и эгоизм

¹² Хорошо известны оценки взаимоотношений супругов Салтыковых, данные С. А. Унковской («Михаил Евграфович постоянно сердился на нее, кричал, обвинял в невнимании к себе, но вместе с тем сильно любил ее, не мог без нее жить, требовал, чтобы она всегда была при нем» [Унковская: 106]) и другими биографами.

героев становится причиной их безотрадного существования, из которого возможен единственный выход: в мир христианских ценностей. У Салтыкова, безусловно, больше, чем у Диккенса, прозаичности во взгляде на мир, но обоих писателей можно отнести к категории «идеалистов»: «поэтической вене» в творчестве Диккенса [Полонский: 372] соответствует постоянная потребность Салтыкова вознести сердце горе (*sursum corda*).

Неудивительно, что авторская концепция любви и брака в «Чижиковом горе» близка христианской традиции; за иронией и сатирой в сказке спрятан столь характерный для национального сознания нравственный абсолют. И, несомненно, этот абсолют отличал также и личностную позицию писателя, исповедовавшего, несмотря на пугавшую современников суровость и резкость, веру в любовь «навсегда».

Список литературы

1. Агратин А. Е. Феномен открытого финала с точки зрения исторической нарратологии // *Narratorium*. 2022. № 1 (16) [Электронный ресурс]. URL: <https://narratorium.ru/2022/12/12/феномен-открытого-финала-с-точки-зрен/> (10.12.2024). EDN: WJWSPM
2. Баскаков В. Н. Комментарии: М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 16. Кн. 1. С. 462–463.
3. Белый А. Мастерство Гоголя: исследование. М.: ОГИЗ; Л.: ГИХЛ, 1934. 324 с.
4. Бондаренко М. И. Традиции «Рождественских повестей» Диккенса в русском святочном рассказе 1840–1890-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2006. 25 с. EDN: ZNRCRP
5. Бушмин А. С., Баскаков В. Н. «Сказки» Салтыкова-Щедрина. Становление жанра. Творческая история. Восприятие // Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки. Л.: Наука, 1988. С. 223–244.
6. Вихорева Н. Н. Традиции классического французского натурализма в русской литературе конца XIX — начала XX в. // *Мировая литература в контексте культуры*. 2006. № 1. С. 42–46 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-klassicheskogo-frantsuzskogo-naturalizma-v-russkoy-literature-kontsa-xix-nachala-xx-v/viewer> (10.12.2024). EDN: QJILBJ
7. Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л.: Наука, 1966. 348 с.
8. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра / Санкт-Петербург. гос. ун-т. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 256 с.

9. Завельская Д. А. Мотив чуда в изображении христианского праздника русской литературной традицией // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 125–140 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-sk.ru/assets/files/12-Zavelskaya.pdf> (10.12.2024). EDN: DTHBDL
10. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. Вып. 3. С. 249–261 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (10.12.2024). EDN: RUYJWR
11. Золя Э. Собр. соч.: в 26 т. М.: Гослитиздат, 1966. Т. 25. 767 с.
12. Катарский И. М. Диккенс в России. Середина XIX в. М.: Наука, 1966. 428 с.
13. Клеман М. К. Эмиль Зола: сб. ст. Л.: Гослитиздат, 1934. 304 с.
14. Корзина Н. А. “A Christmas Carol in prose” Ч. Диккенса как Christmas Carol // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 1. С. 68–74 [Электронный ресурс]. URL: https://eprints.tversu.ru/id/eprint/5036/1/Вестник_ТвГУ_Серия_Филология_2015._1._С._68-74.pdf (10.12.2024). EDN: TTVPFZ
15. Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей по Любкеру. СПб.: О-во классич. филологии и педагогики Ф. Гельбке, Л. Георгиевского [и др.], 1885. [2], IV, 1552 с.
16. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Последние годы, 1875–1889: биография. М.: Худож. лит., 1989. 526 с.
17. Михновец Н. Г. «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса как произведение-посредник и тип культуры // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. Вып. 8. С. 127–146 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2598> (10.12.2024). EDN: RUYMGF
18. Полонский Л. А. Сказки Диккенса // Полонский Л. А. На досуге. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1884. Т. 1. С. 347–384.
19. Рейфман П. С. Комментарии: М. Е. Салтыков-Щедрин. Критика и публицистика. 1856–1864 // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 5. С. 641–644.
20. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. М.: Худож. лит., 1965–1977.
21. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1992. Вып. 2. С. 113–127 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2365> (10.12.2024). EDN: SFOGB
22. Унковская С. А. Мои воспоминания о М. Е. Салтыкове-Щедрине // М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra: личность и творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / Русская христианская гуманитарная акад.; [сост., вступ. ст., коммент.: С. Ф. Дмитренко]. СПб.: РХГА, 2013. Кн. 1. С. 104–111.

References

1. Agratin A. E. The Phenomenon of an Open Ending from the Point of View of Historical Narratology. In: *Narratorium*, 2022, no. 1 (16). Available at: <https://narratorium.ru/2022/12/12/феномен-открытого-финала-с-точки-зрения/> (accessed on December 12, 2024). EDN: WJWSPM (In Russ.)
2. Baskakov V. N. Comments: M. E. Saltykov-Shchedrin. Fairy Tales. In: *Saltykov-Shchedrin M. E. Sobranie sochineniy: v 20 tomakh* [Saltykov-Shchedrin M. E. *Collected Works: in 20 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974, vol. 16, book 1, pp. 462–463. (In Russ.)
3. Belyy A. *Masterstvo Gogolya: issledovanie* [Gogol’s *Mastery: Research*]. Moscow, Ob’edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal’nykh izdatel’stv Publ., Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’svo khudozhestvennoy literatury Publ., 1934. 324 p. (In Russ.)
4. Bondarenko M. I. *Traditsii “Rozhdestvenskikh povestey” Dikkensa v russkom svyatochnom rasskaze 1840–1890-kh gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Traditions of Dickens’s “Christmas Short Novels” in Russian Christmas Story of the 1840s — 1890s. *PhD. philol. sci. diss. abstract*]. Kolomna, 2006. 25 p. EDN: ZNRCRP (In Russ.)
5. Bushmin A. S., Baskakov V. N. “Fairy Tales” by Saltykov-Shchedrin. Formation of the Genre. Creative History. Perception. In: *Saltykov-Shchedrin M. E. Skazki* [Saltykov-Shchedrin M. E. *Fairy Tales*]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 223–244. (In Russ.)
6. Vikhoreva N. N. Traditions of Classical French Naturalism in Russian Literature of the Late 19th — Early 20th Centuries. In: *Mirovaya literatura v kontekste kul’tury* [World Literature in the Context of Culture], 2006, no. 1, pp. 42–46. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsii-klassicheskogo-frantsuzskogo-naturalizma-v-russkoy-literature-kontsa-xix-nachala-xx-v/viewer> (accessed on December 12, 2024). EDN: QJILBJ (In Russ.)
7. Gippius V. V. *Ot Pushkina do Bloka* [From Pushkin to Blok]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 348 p. (In Russ.)
8. Dushechkina E. V. *Russkii svyatochnyy rasskaz: stanovlenie zhanra* [Russian Christmas Story: the Formation of the Genre]. St. Petersburg, Language Center of Saint Petersburg State University Publ., 1995. 256 p. (In Russ.)
9. Zavel’skaya D. A. The Motif of the Miracle in the Christian Holiday’s Imagery of Russian Literary Tradition. In: *Vestnik slavyanskikh kul’tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2019, vol. 51, pp. 125–140. Available at: <http://vestnik-sk.ru/assets/files/12-Zavelskaya.pdf> (accessed on December 12, 2024). EDN: DTHBDL (In Russ.)
10. Zakharov V. N. Easter Story as a Russian Literary Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1994, issue 3, pp. 249–261. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (accessed on December 12, 2024). EDN: RUYJWR (In Russ.)
11. Zolya E. *Sobranie sochineniy: v 26 tomakh* [Collected Works: in 26 Vols]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1966, vol. 25. 767 p. (In Russ.)

12. KatarSKIY I. M. *DikKens v Rossii. Seredina XIX v. [Dickens in Russia. Mid-19th Century]*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 428 p. (In Russ.)
13. Kleman M. K. *Emil' Zola: sbornik statey [Emil Zola: Collection of Articles]*. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1934. 304 p. (In Russ.)
14. Korzina N. A. "A Christmas Carol in Prose" by C. Dickens as Christmas Carol. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya [Vestnik TvGU. Series: Philology]*, 2015, no. 1, pp. 68–74. Available at: https://eprints.tversu.ru/id/eprint/5036/1/Вестник_ТвГУ_Серия_Филология_2015_1_С_68-74.pdf (accessed on December 12, 2024). EDN: TTVPFZ (In Russ.)
15. Lyubker F. *Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey po Lyubkeru [The Real Dictionary of Classical Antiquities by Lubker]*. St. Petersburg, Obshchestvo klassicheskoy filologii i pedagogiki Publ., 1885. [2], IV, 1552 p. (In Russ.)
16. Makashin S. A. *Saltykov-Shchedrin. Poslednie gody, 1875–1889: biografiya [Saltykov-Shchedrin. The Last Years, 1875–1889: Biography]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 526 p. (In Russ.)
17. Mikhnovets N. G. "A Christmas Carol" by Charles Dickens as a Mediator Work and Type of Culture. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008, issue 8, pp. 127–146. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2598> (accessed on December 12, 2024). EDN: RUYMGF (In Russ.)
18. Polonskiy L. A. Fairy Tales by Dickens. In: *Polonskiy L. A. Na dosuge [Polonsky L. A. At Leisure]*. St. Petersburg, Tipolitografiya R. Golike Publ., 1884, pp. 347–384. (In Russ.)
19. Reyfman P. S. Comments: M. E. Saltykov-Shchedrin. Criticism and Journalism. 1856–1864. In: *Saltykov-Shchedrin M. E. Sobranie sochineniy: v 20 tomakh [Saltykov-Shchedrin M. E. Collected Works: in 20 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1966, vol. 5, pp. 641–644. (In Russ.)
20. Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochineniy: v 20 tomakh [Collected Works: in 20 Vols]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1965–1977. (In Russ.)
21. Starygina N. N. Christmas Story as a Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrosavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1992, issue 2, pp. 113–127. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2365> (accessed on December 12, 2024). EDN: SFOGB (In Russ.)
22. Unkovskaya S. A. My Memories of M. E. Saltykov-Shchedrin. In: *M. E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo M. E. Saltykova-Shchedrina v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: antologiya [M. E. Saltykov-Shchedrin: Pro et Contra: Personality and Works of M. E. Saltykov-Shchedrin in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers: an Anthology]*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2013, book 1, pp. 104–111. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алякринская Марина Андреевна, Marina A. Alyakrinskaya, PhD (Филологический факультет, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Средний пр. В. О., 57/43, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199178); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6581-2988>; e-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru); Associate Professor of the Department of the Journalism and Media Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Northwestern Institute of Management (Sredniy prospekt Vasil'evskogo ostrova 57/43, St. Petersburg, 199178, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6581-2988>; e-mail: alyakrinskaya-ma@ranepa.ru.

Поступила в редакцию / Received 20.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.01.2025

Принята к публикации / Accepted 16.01.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025